

Научная статья

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-2-45-58

УДК 930.2

**КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО
ТОМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ**

Ольга Ивановна Ивонина

Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск, Россия

ORCID: 0000-0002-1953-0517

ivonina@ngs.ru

Аннотация. На основе обзора классификаций научных школ, предлагаемых отечественным и зарубежным науковедением, автор идентифицировал Томскую историографическую школу (ТИШ) в качестве локального варианта развития университетской науки и исторического образования. В своем исследовании профессионального этоса и дискурсивного пространства ТИШ автор руководствовался методологией интеллектуальной истории и схоларным подходом. В заключении автор пришел к выводу о том, что ТИШ представляет собой пример локального научного сообщества, преемственно связанного с лучшими традициями национальной академической культуры. Совмещение в ремесле томских историков строгих стандартов научности и социальной ответственности оказало существенное влияние на культурный и интеллектуальный ландшафт Сибирской науки.

Ключевые слова: Томская историографическая школа, схоларный подход, ремесло историка, методология истории.

Для цитирования: Ивонина О.И. Культурный ландшафт и дискурсивное пространство Томской историографической школы. Культурный ландшафт регионов. 2021. Том. 3. № 2. с. 45-58.

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-2-45-58

Original article

CULTURAL LANDSCAPE AND DISCURSIVE SPACE OF TOMSK HISTORIOGRAPHY SCHOOL

Olga I. Ivonina

Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk, Russia

ORCID: 0000-0002-1953-0517

ivonina@ngs.ru

Abstract. Based on a review of the classifications of scientific schools proposed by domestic and foreign science studies, the author identified the Tomsk Historiographic School (TIS) as a local option for the development of university science and history education. Study TIS' professional ethos and discursive space was based on the intellectual history methodology and scholar approach.

In result, author came to the conclusion about TISh as an example of a local scientific community, which is successively associated with the best traditions of the national academic culture. The combination of strict scientific standards and social responsibility in the craft of Tomsk historians had a significant impact on Siberian science cultural and intellectual landscape.

Key words: Tomsk historiographic school, scholar approach, historian's craft, methodology of history.

For citation: Ivonina Olga I. Cultural landscape and discursive space of Tomsk historiography school. Cultural landscape of the regions. 2021. . Vol. 3. № 2. с. 45-58. (In Russ.). DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-2-45-58

Введение

Изучение возникновения и эволюции *ТИШ* как регионально-локального варианта университетской науки и исторического образования представляется сегодня особенно актуальным. Наметившийся в российском обществе рубежа XX-XXI вв. отход от классического наследия в этой сфере совпал с постмодернистским вызовом гуманитарным наукам, породив сомнения как в способности историков к производству достоверного знания о прошлом, так и в социальном статусе и функционале исторической науки.

Деятельность *ТИШ* демонстрирует уникальный пример научно-образовательного сообщества, сумевшего не только сохранить, но и приумножить достижения отечественной исторической науки. Своеобразие языка и предметного поля *ТИШ* стали маркером ее профессиональной идентичности, способности преодолевать границы интеллектуального и культурного провинциализма, включаясь в пространство диалога с перспективными направлениями отечественной и мировой исторической науки.

Классификация научных школ в отечественной и зарубежной истории науки

В отечественном науковедении до сих пор преобладает расширительное толкование понятия научной школы (НШ) как определенной области знания, направления исследований, формального или неформального («невидимый колледж») профессионального сообщества.

Подходы к изучению НШ, перечень их характерных признаков и социальных ролей, в свою очередь, по-своему отражали «дух времени», цивилизационную специфику и уровень развития общества, формирующего так называемый социальный заказ на результаты научного творчества.

Авторы сборника «Школы в науке» подошли к выявлению содержательного наполнения этого понятия с позиций структурно-функционального подхода. Важнейшими слагаемыми образа НШ как одной из структурных единиц науки стали следующие:

- 1) принадлежность к определенному *типу научного сообщества* – академической, отраслевой, вузовской науке;
- 2) развитая *система профессиональных коммуникаций* внутри и за пределами НШ в процессе обмена идеями и обсуждения полученных результатов;
- 3) *наличие лидера*, определяющего вектор развития и предметное поле НШ;
- 4) *специфика научного дискурса* НШ, выделяющая ее в среде академического сообщества. [19, с.116-117, 169, 252, 310].

Отечественное науковедение до недавнего времени подчеркивало принадлежность НШ к *формальному объединению*: научной или научно-образовательной организации национального / регионального / локального статуса (университету, институту, кафедре, факультету, научно-исследовательскому институту, исследовательскому центру, лаборатории). Такое понятие НШ де-юре и де-факто стало синонимом научного направления, получив закрепление в инструктивных материалах Роснауки: «Ведущей научной школой Российской Федерации считается сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением *исследований по общему научному направлению* (курсив мой – О.И.) и объединенных совместной научной деятельностью, руководители которых на регулярной основе осуществляют подготовку кандидатов и докторов наук, тем самым формируя исследовательские группы, обеспечивающие развитие и рост результативности российской науки» [17].

Показатели эффективности НШ в соответствии с Программой поддержки ведущих научных школ и конкурсов на получение грантов Президента Российской Федерации были сведены к «омоложению» состава НШ (наличие исследователей в возрасте до 33 лет); числу публикаций в ведущих научных журналах, полученных патентов, защищенных диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Представление РФФИ и РГНФ о возрастании роли научного руководителя НШ как талантливой администраторы, способствовало концентрации научных школ в Москве и Санкт-Петербурге, в региональных отделениях РАН; высокой доле ректорско-директорского корпуса в числе руководителей научных школ и членов экспертных советов.

В последнее время наметились серьезные изменения как в государственной политике поддержки НИШ, так и в понимании этого института самим академическим сообществом.

Так, оценивая результаты научной политики РФ последних десятилетий, эксперты НИУ ВШЭ объявили недостатком отечественных НИШ жестко заданные рамки их организационной структуры, которые облегчают получение финансирования, но тормозят процессы развития. По мнению исследователей, «в современных условиях научная школа представляет собой искусственную конструкцию» [9, с.45].

Главным средством устранения такой консервативной формы организации научной деятельности в процессе взаимодействия российской науки с достижениями мирового прогресса эксперты считают *проектные и сетевые (курсив мой – О.И.)* формы организации исследований [9, с.51].

На этом фоне все более заметным становится транзит и отечественного науковедения к постмодернистской парадигме научного сообщества как «невидимого колледжа», «свободной республике ученых» и прочим неформальным коллаборациям исследователей. Подобная трансформация в научной политике РФ – переход от активной поддержки науки как основы социокультурной модернизации – к рассуждениям экспертов о достаточности «символического капитала» для реализации учеными неведомых общественности проектов «невидимых колледжей», по-своему отражает изменения российского интеллектуального и культурного ландшафта.

Транзит от классического понимания НИШ к постмодернистским методологиям ее анализа наблюдается и в историческом познании. В работах советских историков появление таких категорий анализа, как «научная школа» и схоларный подход, совпали с изменением статуса историографии. Из разряда вспомогательных дисциплин, помогающей исследователю обозначить степень изученности избранной им темы – ретроспективного обзора достижений в этой сфере своих предшественников, историография превратилась в особую отрасль исторического знания – историю исторической науки.

Истоки понимания предмета историографии как разновидности теории дисциплины – «философии истории», нацеленной на изучение процесса институционализации и профессионализации исторического знания, особой роли в этом процессе научно-исторических сообществ, обнаруживаются еще в работах дореволюционных авторов: С.М. Соловьева, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.И. Кареева, Л.П. Карсавина.

Углубленная рефлексия над спецификой «ремесла историка», оснащением его творческой лаборатории системой понятий, определяющей характер интерпретации и репрезентации полученных результатов, свидетельствовала о превращении исторического знания в разновидность научного, со своей теорией и методологией.

Интерес историографии к уточнению мировоззренческих оснований выбора историком тех или иных сюжетов своего повествования; взаимосвязи «времени историка» и созданных им концепций, привел к появлению жанра интеллектуальной биографии. Творческая индивидуальность историка, новаторский характер его исторического нарратива представлялись значимыми именно в силу принадлежности ученого к определенному направлению или школе, «школы жизни в науке» [См.10].

Взаимодействие сторонников схолярного подхода с представителями смежных областей гуманитарии в лице социологов, философов, и культурологов способствовало созданию типологии научно-исторической школы (далее – НИШ) с учетом всех ее признаков и социального статуса.

В отечественной истории науки, руководствовавшейся классической позитивистской методологией, «школообразующими», признаками НИШ считались следующие:

1. идентификация представителей НИШ с определенным общественно-политическим направлением, проявляющаяся в предметном поле ее исследований;
2. топос НИШ, сформированный спецификой ее культурного и интеллектуального ландшафта («московская», «петербургская», «томская» НИШ);
3. персональное измерение научного лидерства НИШ;
4. специфика профессионального дискурса НИШ, определяющая ее место на карте национальной и мировой науки;
5. генеалогия НИШ как производная от исторического контекста «времени историка»;
6. самоопределение НИШ в отношении классических/неклассических парадигмальных и предметных полей научного познания;
7. характер внутренних и межшкольных коммуникаций НИШ как фактор ее легитимации академическим сообществом.

Знакомство с постмодернистскими моделями научного сообщества сместило акцент историков на изучение неформальных, свободных коммуникаций между учеными *вне рамок институциональных структур*. Это позволило именовать научной школой *сеть* личных контактов и процедур взаимного обмена информацией участников познавательного процесса, свободных от географической и институциональной привязанности, получившей наименование «незримого колледжа» (*invisible college*) [1, p. 180].

Постмодернистские модели науки поставили под сомнение авторитет ученого как носителя истинного универсального знания, способного к отражению и изменению социальной реальности. Сторонники устранения границ между научным сообществом и «профанами», признавая право публики на экспертизу результатов научного творчества, отводили ученому роль разрушителя универсалий, авторитетов и традиций; подчеркивали материальную и психологическую зависимость НИШ от признания ее таковой властями разного уровня.

Таким образом, осуществленная постмодернизмом трансформация представлений о НИШ как субъективной и виртуальной реальности, в которой ключевой фигурой является не ученый, а ангажированный властью обладатель всего лишь «символического капитала», свидетельствовала о глубоком социокультурном и эпистемологическом кризисе мировой и отечественной истории науки [18, с.390], [2, с.193], [4, с.16], [5, с.147].

В своем понимании НИШ автор руководствовался ее определением, которое предложил авторитетный исследователь схолярной проблематики, историк Г.П. Мягков. НИШ является *объективной данностью* (курсив мой – О.И.) *научного процесса и особой формой его организации; «реальностью* особого рода, представляющей собой исследовательский коллектив, группу, состоящую из ученых, рабо-

тающих в одной предметной или проблемной области, обладающих специализированной научной подготовкой, единых в понимании целей науки и обладающих способностью поддерживать устойчивые взаимодействия» [3, с.140].

История Томской историографической школы на фоне культурного ландшафта региона

Изучение наследия Томской историографической школы (далее – ТИШ) представляется актуальным именно в ситуации кризиса идентичности, переживаемого обществом Постмодерна и его академическим сообществом. Анализ роли этой НШ в формировании культурного и интеллектуального ландшафта Сибири позволяет по-новому осмыслить феномен регионально-локальной вариативности университетской науки и исторического образования.

Различия локальных традиций и практик научного исследования, как правило, сопровождаются формированием комплиментарных и конкурентных коммуникативных комплексов. Признание всеобщей значимости полученных результатов способствует легитимации НШ как наиболее авторитетной в определенной области знаний. Одновременно с этим в сознании локальной НШ укрепляется ощущение самодостаточности, приводящее к скептицизму в отношении соседей и «центра» научного сообщества.

Специфика взаимодействия *ТИШ* с классической моделью профессиональной культуры, носителями которой выступали профессора историко-филологического факультета столичного, Московского университета, определяется экзогенным характером ее генеалогии.

Отцом-основателем ТИШ представители всех ее поколений единодушно считали А.И. Данилова (1916—1980), выпускника МГУ, аспиранта одного из патриархов советской медиевистики – А.И. Неусыхина. Появление в Томске молодого кандидата наук в 1947 г. предопределило основные тенденции становления и последующего развития ТИШ.

Благодаря А. Данилову в Томске оформилась *традиция персонификации научного лидерства*. Представители «школы Данилова» считали ее *классической моделью взаимодействия учителя и учеников*, эффективность которой обеспечивается *устойчивой связью поколений*, воплощающей как трансформацию основополагающих идей школы, так и преемственность в ее развитии.

Сам А.И. Данилов стал носителем *классической традиции изучения и преподавания истории, восходящей к академическим стандартам дореволюционной школы медиевистики*, представленной именами Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина, И.В. Лучицкого. Развитие этой традиции на культурной почве регионального вуза стало возможным благодаря тому, что изучение истории средневековой Европы, вытесненное на периферию советской историографии, подверглось диктату марксистской методологии в меньшей степени, чем исследования новейшей истории России и зарубежных стран.

Благоприятной средой становления «школы Данилова» стал историко-филологический факультет Томского университета. *Особая атмосфера свободы творчества, доверительности* в деловых и дружеских контактах ученых разных специальностей, привлекала выпускников столичных аспирантур и уже

состоявшихся исследователей, вольно или невольно оказавшихся в составе его сотрудников¹.

Приехавшие в Томск молодые ученые не увидели в нем той провинциальности, которой они так опасались, отправляясь сюда на работу. Напротив, гуманитарии ТГУ показались им более независимыми и свободными в отстаивании своих взглядов перед коллегами и студентами. Ф.З. Канунова отмечала в своих воспоминаниях, как поразила ее та неповторимая атмосфера энтузиазма, рыцарского отношения к науке, культура педагога-профессионала, царившая на историко-филологическом факультете ТГУ в 1940-50-х гг.

Такая морально-психологическая атмосфера создавалась поколением вернувшихся с войны фронтовиков, зарядившим факультет своей жаждой деятельности, смелостью, принципиальным нонконформизмом. «Пафос жизнестроения», широта мышления, образованность, – все это спасало содружество студентов и преподавателей факультета от господствующего в отечественной гуманитарии догматизма [11, с. 34-35].

Сибирский транзит столичных ученых в лице А.И. Данилова, И.М. Разгона, А.А. Говоркова, П.В. Копнина (впоследствии директора Института философии РАН), А.П. Бородавкина, К.П. Ярошевского и других, произвел тот «пассионарный взрыв», который превратил историко-филологический факультет Томского университета в крупнейший за Уралом центр гуманитарных исследований. Под воздействием «пассионариев» формировались характерные черты профессионального этоса ТИШ: неприятие конъюнктурщины, догматизма, стремление к инновационным формам научной и педагогической работы, следование нравственным принципам исследовательской деятельности, «гносеологический оптимизм» [13, с.5-7].

«Кузницей кадров» ТИШ стала созданная А.И. Даниловым кафедра истории Древнего мира и Средних веков. Ее состав складывался благодаря тщательному отбору учителем своих учеников, высокому уровню организации их научной и учебной работы. Участники кафедрального спецсеминара наряду со знанием классической латыни и одного из романо-германских языков, должны были владеть разнообразными приемами работы с первоисточниками, обладать широкой исторической эрудицией, способностью к самостоятельной научно-исследовательской работе.

Заданная учителем высокая планка требований, с одной стороны, сводила к минимуму элемент случайности в формировании состава школы, а с другой, создавала впечатление ее эксклюзивности, осознаваемой как учителем, так и учениками. Так, в письме Неусыхину А.И. Данилов признавался, что его ученики «...стонут и втайне, наверное, жалеют, что пошли ко мне специализироваться» [7, с.131-172].

Высокий, многим коллегам и ученикам казавшийся запредельным, уровень требовательности А.И. Данилова компенсировался его талантом непревзойденно-

¹ В их числе И.М. Разгон – лауреат Сталинской премии, обвиненный в симпатиях к сионизму и «буржуазному космополитизму», после переезда в Томск создал на кафедре истории СССР собственную школу изучения Октябрьской революции и Гражданской войны. Не менее драматично складывалась судьба Ф.З. Кануновой: вынужденная покинуть Ленинград в разгар сталинско-ждановских нападков на ученых-космополитов, она создала в Томске свою школу истории зарубежной литературы.

го лектора. Благодаря ему в Томском университете сформировался настоящий культ академической лекции как средства формирования исторического мышления. В этом он следовал примеру своего учителя, чьи лекции, «предельно насыщенные по своему научному содержанию, убедительные и яркие... выходили за пределы изучения только средневековой истории. Они играли большую роль в выработке столь важного в педагогическом труде историка умения раскрывать смысл исторических явлений и фактов, умения вести учащихся от исторических событий к историческим обобщениям как результату теоретического осмысления многоликой исторической действительности» [6, с.11-12].

Региональное научное сообщество Томска оценило *новаторство* и в определенном смысле, научную смелость А.И. Данилова, который за годы своей работы в ТГУ (1947-1954, 1961-1967) ввел в практику исторического образования дисциплины, не предусмотренные министерской программой подготовки специалистов-историков: «Методология истории», «Историография всеобщей истории», «Культура западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени». Лекции Данилова привлекали студентов и преподавателей других вузов и факультетов, делая историко-филологический факультет Томского университета *локусом формирования особого профессионального этоса*.

Сформированный Даниловым *эталон ученого-педагога*, для которого лекция была не столько способом трансляции знаний, сколько формой самовыражения ученого, презентации его мировоззренческих позиций и результатов творческих поисков, стал своеобразным брендом ТИШ. Именно из лекционных курсов вырастали наиболее известные, признанные научно-педагогическим сообществом, публикации историков Томской школы [см.: 12] [13], [14], [15], [16].

Главный «школообразующий» признак ТИШ заложен в ее номинации. *Новаторство* представителей школы проявилось в новом *понимании предмета своих изысканий – историографии как истории исторической мысли*. Это открывало перед исследователями новые траектории постижения прошлого: эволюция форм и методов исторического познания рассматривалась во взаимосвязи с социально-экономическим, идейно-политическим, культурным и интеллектуальным контекстом «времени историка».

Предметным полем так понятой историографии становились не просто создаваемые историками тексты (статей, монографий, диссертаций, учебников), а многоуровневые, полифонические системы интерпретации прошлого – *исторические нарративы*. Задачей историографа, в отличие от историка, описывающего факты событийного плана, становилось постижение всего комплекса факторов, определяющих позицию автора исторического нарратива. Внимание историографии фокусировалось на мировоззрении автора, его экзистенциальном опыте, сформировавшемся в условиях определенной психологической атмосферы и профессионального окружения, на фоне определенного культурного и интеллектуального ландшафта. Изучение сложной природы *познающего субъекта истории* расширяло дискурсивное пространство ТИШ за счет включения в него относительно новые для отечественной гуманитарии области интеллектуальной истории, истории ментальности, культурной антропологии.

Подлинным прорывом (в формулировке Т. Куна – парадигмальной революцией, меняющей дисциплинарную матрицу НШ) стала разработка ТИШ проблем методологии истории – того комплекса средств и методов постижения прошлого, которые и составляют основу «ремесла историка». Поворот к этой новой области

исторического познания обозначился в монографии А.И. Данилова «Проблемы аграрной истории раннего Средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX вв.» Основатель ТИШ так сформулировал ее исследовательское кредо: «Изучение идейно-методологических основ развития исторической науки – задача первостепенной важности. Это не только исходный пункт всякой работы в области историографии, но и руководящая нить всего историографического исследования в широком смысле слова... Без выяснения теоретических основ работ любого историка не может быть правильно определено ни его место в развитии исторических знаний, ни содержание применяемой им методики исторического исследования, ни подлинный смысл используемых им приемов интерпретации фактов» [8, с.7].

Следуя призыву своего учителя, Б.Г. Могильницкий использовал тексты исторических нарративов отечественных и зарубежных мыслителей в качестве той «материальной базы», на которой проходили апробацию теории и методологический инструментарий их авторов. Совмещение в предмете специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования сразу нескольких исследовательских стратегий сформировало то дискурсивное пространство ТИШ, в котором одинаково значимым было понимание специфики источниковедческой базы и логики исторического исследования, творческой лаборатории и жизненного опыта историка.

Акцент представителей ТИШ на подлинно комплексном, системном анализе традиций европейской исторической мысли сквозь призму органичного синтеза историографии, источниковедения и методологии истории сделал Диссертационный Совет по этой специальности, (председателем которого был А.И. Данилов, а после его отъезда в Москву в 1967 г. – Б.Г. Могильницкий), центром притяжения исследователей из других городов страны.

Формированию образа ТИШ как «Афинской школы» историков содействовало расширение ее предметного поля. Фокусом исследований томичей становились исторические концепции представителей немарксистской историографии, которых прежде подвергали уничижительной критике как «буржуазных фальсификаторов» или «реакционеров» от истории. Девиз ТИШ – «понимать, а не судить», сделал аспирантуру кафедры истории Древнего мира и Средних веков центром подготовки и защиты работ, посвященных изучению творческого наследия знаковых фигур мировой и отечественной гуманитарии: Д.М. Петрушевского, И.В. Лучицкого, П.Г. Виноградова, М.М. Ковалевского, Р.Ю. Виппера, В.И. Герье, К. Лампрехта, Я. Буркхарда, Р. Коллингвуда, Г. Бокля, И. Дройзена, В. Дильтея, А. Тойнби, А. Токвиля, М. Блока, Т. Моммзена, Д. Тревельяна, Й. Хейзинги, Ф. Ницше, Г. Зиммеля, Т. Карлейля, Ф. Броделя, Э. Фромма, И. Тэна, Н.А. Бердяева, П.Н. Савицкого, Г.П. Федотова. Академический стиль этих работ, их индифферентность в отношении марксистской ортодоксии, воспринимались научным сообществом как проявление творческой свободы и научной добросовестности исследователей ТИШ.

Признание деятельности ТИШ академическим сообществом стало результатом появления у школы собственного периодического издания в 1963 г. Ежегодник «Методологические и историографические вопросы исторической науки» (далее – МИВИН) стал площадкой апробации наиболее актуальных, перспективных и дискуссионных исследований в этой области. Наряду с представителями ТИШ, свои работы в нем публиковали сотрудники других факультетов Томского

университета, ученики А.И. Данилова, создавшие собственные школы в университетах Казани, где Данилов работал с 1954 по 1960 гг.

Специфику дискурсивного пространства ТИШ тонко почувствовал польский историк А.Ф. Грабский. Автор отметил новаторское понимание томскими исследователями предмета историографии как «истории исторической мысли в ее разных, главным образом, общественно-политических и философско-идеологических условиях развития». По его мнению, «амбициозная школа» томских историков продолжала лучшие традиции отечественной историографии, занимаясь изучением ее «самых трудных проблем» [Цит. по: 16, с.14].

Лидерский характер ТИШ способствовал административной карьере ее руководителей. А.И. Данилов занимал должность заведующего кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, декана ИФФ, ректора ТГУ, министра образования РСФСР. Должность заведующего кафедрой, декана исторического факультета, председателя Диссертационного Совета факультета и члена научного совета по историографии и источниковедению при Отделении истории РАН после отъезда Данилова в Москву наследовал самый талантливый из его учеников – Б.Г. Могильницкий.

Легитимации школы как первой среди равных на историческом факультете Томского университета способствовала организация регулярных *методологических семинаров*. Благодаря ауре Б.Г. Могильницкого, *семинары стали для ТИШ тем полигоном*, где проходили *апробацию ее инновационные формы и методы преподавания и изучения истории*, обсуждались самые острые проблемы языка исторической науки. Открытый характер семинаров сделал их местом увлекательной научной дискуссии, своеобразным гражданским форумом томской интеллектуальной элиты, подтверждая особую значимость просветительского потенциала ТИШ, формирующего культурный ландшафт региона.

Аналогичную роль, но уже на всесоюзном, а с 1991 г. и на международном уровне, сыграли *организуемые ТИШ конференции по проблемам историографии и методологии истории*. Факт участия в них представителей не только вузовской, но и академической науки, сделал конференции *площадкой презентации* широкому кругу научной общественности *базовых концептов ТИШ*. Категории *исторической памяти, альтернативности истории, кризиса идентичности, историографической революции, междисциплинарного (методологического) синтеза* и другие аналитические конструкты ТИШ, обсуждавшиеся на этих конференциях, способствовали не только расширению пространства профессиональных коммуникаций школы, но и коррективке ее образа – теперь школу стали именовать томской *методологической школой* и даже школой Могильницкого.

Статус Б.Г. Могильницкого как талантливого руководителя и эффективного менеджера научных исследований способствовал получению ТИШ многочисленных научных грантов: «Диалектика природного, социального и ментального в истории: новые исследовательские подходы» (1996 г.), «Историческое сознание: методологические и историографические аспекты» (1996 г.), «1917 год в Сибири: новые подходы к истории изучения революционного движения» (1997 г.), «Историческая наука и историческое сознание» (1998 г.), «Историческое познание и массовое сознание» (1998 г.), «Историческая наука на грани веков» (1999 г.), «Изучение актуальных проблем отечественной и всеобщей истории, историографии и источниковедения» (2003 г.), «Методологический синтез: теория, историография, исследовательская практика» (2001-2003 гг.).

Сочетание в деятельности ТИШ научно-познавательной, образовательной, просветительской и воспитательной функции наглядно проявилось в ситуации инфляции знаний, методологической анархии, иррационализации и варваризации культуры рубежа XX-XXI в. – когда, по выражению Й. Хейзинги, «миф потеснил логос».

Б.Г. Могильницкий полагал, что переживание историком своего времени как эпохи социальных потрясений, побуждает его к осмыслению социальной функции исторической науки и нравственно-этической природы исторического образования. По его мнению, «история способна оказать действенное влияние либо на дальнейшее углубление духовно-нравственного кризиса общества, являющегося самым наглядным выражением этой архаизации, либо на его преодоление» [13, с.8]

Понимание социальной ответственности своей науки в формировании массового сознания стало причиной создания в Томске дискуссионного клуба «История и современность». Члены ТИШ стали инициаторами создания этого просветительского проекта и его тематики. На заседаниях клуба с представителями местной общественности обсуждались проблемы российского федерализма, цивилизационной природы геополитических интересов, соотношения революции и реформ в процессе социокультурной модернизации, влиянии гражданского общества на региональное развитие.

Тем самым, ТИШ подтверждала свою роль архитектора культурного и интеллектуального ландшафта сибирского региона, демонстрируя свою преемственность с традициями национальной академической культуры, совмещающей в «ремесле историка» строгие стандарты научности и социальной ответственности.

Выводы

Итогом изучения типологии научных школ стала идентификация ТИШ в границах культурного и интеллектуального ландшафта Сибирского региона на основе выделения характерных черт ее генезиса и последующей эволюции:

1. экзогенный характер генеалогии ТИШ сделал ее продолжательницей лучших традиций российской университетской науки и образования;
2. дискурсивное пространство школы, совмещающей предметные поля историографии, источниковедения, философии и методологии истории, позволило ТИШ преодолеть границы провинциализма, включиться в конструктивный диалог с центральными и зарубежными центрами исторических исследований;
3. став инициатором создания инновационных коммуникативных, исследовательских и педагогических практик, оригинальных исторических концепций, ТИШ добилась признания своей профессиональной культуры академическим сообществом России;
4. сформированный лидерами школы ее профессиональный этос, позволяет считать ТИШ субъектом историографической революции, обогатившей «ремесло историка» новым понятийно-категориальным аппаратом и способами постижения прошлого.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Merton R.K. Reference Group, Invisible colleges, and deviant behavior in Science // Surveying Social Life / Ed. by Hubert J. O. Gorman, Middletown. – Connecticut: Wesleyan University Press, 1998. Pp. 174-189.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Изд-во «Медум», 1995. 323 с.
3. Бурганова Л.А., Мягков Г.П. Образ научного сообщества: эволюция методологических репрезентаций // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С.139-146.
4. Бурдые П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. – М.: Праксис; Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 15-56.
5. Бурдые П. Социология политики / Пер. с франц.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
6. Данилов А.И. Неусыхин – историк-медиевист, ученый и педагог // Средние века. М., 1969. Вып. 32. С.4-12.
7. Данилов А.И. Письма А.И. Неусыхину. Публикация Л.Т. Мильской // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1986. Вып 18. С.131-172.
8. Данилов А.И. Проблемы аграрной истории раннего Средневековья в немецкой историографии конца XIX –начала XX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 368 с.
9. Дежина И. Г. , Киселева В. В. Научные школы: интеллектуальная капитализация или стагнация? // Мировая экономика и международные отношения. 2009 . № 1. С.43-51.
10. Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 1999. № 1. С.250-265.
11. Канунова Ф.З. Слово об А.И. Данилове// Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск: Изд-во Том.ун-та,2007. Вып.28. С.33-36.
12. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. 175 с.
13. Могильницкий Б.Г. Историческое образование в Томском университете в диалектике макро- и микроподходов // Вестник Томского государственного университета. 2009. История №1(5). С.5-13.
14. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. – Томск, 2001. 210 с.; Вып. II: Становление «новой исторической науки». – Томск, 2003. 177 с.; Вып. III: Историографическая революция. – Томск, 2008. 553 с.
15. Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. – Томск, 1978. 233 с.
16. Могильницкий Б.Г. У истоков Томской историографической школы. А.И. Данилов и проблема преемственности в отечественной историко-теоретической мысли XX века // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск: Изд-во Том. ун-та,2007. Вып.28. С.5-25.

17. Пресс-центр Минобрнауки РФ. Новости // minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=22432
18. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет /Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.
19. Школы в науке/Под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. М., 1977. 524 с.

REFERENCES

1. Merton R.K. Reference Group, Invisible colleges, and deviant behavior in Science. *Surveying Social Life*. Ed. by Hubert J. O. Gorman, Middletown. – Connecticut: Wesleyan University Press, 1998. Pp. 174-189.
2. Berger P., Lukman T. *Social construction of reality. A treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medum Publishing House, 1995. 323 p.
3. Burganova L.A., Myagkov G.P. The image of the scientific community: the evolution of methodological representations. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2017. № 2. Pp.139-146.
4. Bourdieu P. Polye nauki [Field of science]. *Social sciences in a post-structuralist perspective*. The Anthology of Russian-French center for sociology and philosophy at the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences. M.: Praxis; Institute of experimental sociology, 2005. P. 15-56.
5. Bourdieu P. *Sociology of policy*. Trans. fr.; comp., Ls. ed. and foreword. N.A. Shmatko. M.:Socio-Logos, 1993. 336 p.
6. Danilov A.I. Neusykhin – historian-medievalist, scientist and teacher. *Middle Ages*. M., 1969. Vol. 32.Pp.4-12.
7. Danilov A.I. Letters from A.I. Neusykhin. Publication by L.T. Milskoy. *Methodological and historiographical questions of historical science*. Tomsk, 1986. Vol. 18, Pp. 131-172.
8. Danilov A. I. *Problems of agrarian history of the early Middle Ages in German historiography of the late XIX-early XX centuries*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. 368 p.
9. Dezhina I. G., Kiseleva V. V. Scientific schools: intellectual capitalization or stagnation? *World Economy and International Relations*. 2009. № 1. Pp.43-51.
10. Zvereva G.I. Addressing oneself: self-knowledge of professional historiography at the end of the 20th century. *Dialogue with Time. Almanach of Intellectual History*. M., 1999. № 1. Pp.250-265.
11. Kanunova F.Z. A word about A.I. Danilov. *Methodological and historiographical questions of historical science*. Tomsk, 2007. Vol. 28. Pp. 33-36.
12. Mogilnitsky B.G. *Introduction to the methodology of history*. M., 1989.175 p.
13. Mogilnitsky B.G. Historical education at Tomsk University in the dialectics of macro- and microapproaches. *Bulletin of the Tomsk State University*. 2009. History. № 1(5). Pp. 5-13. Mogilnitsky B. G. *Introduction to the methodology of history*. M., 1989. 175 p.
14. Mogilnitskiy B.G. *History of Historical Thought of the Twentieth Century: A Course of Lectures*. Vol. I: The Crisis of Historicism. Tomsk, 2001.210 p.; Vol.II: Formation of a "new historical science". Tomsk, 2003.177 p.; Vol. III: The Historiographic Revolution. Tomsk, 2008.553 p.
15. Mogilnitsky B.G. *On the nature of historical knowledge*. Tomsk, 1978.233 p.
16. Mogilnitsky B.G. *At the origins of the Tomsk historiographic school*. A.I. Danilov and the problem of continuity in the national historical and theoretical thought of

the twentieth century. Methodological and historiographical questions of historical science. Tomsk, 2007. Vol. 28. Pp.5-25.

17. Press-center of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. News // minobrnauki.gov.ru/presscenter/news/?ELEMENT_ID=22432
18. Foucault M. The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of different years. Translated from French M.: Castal, 1996. 448 p.
19. Schools in science/Edited by S. R. Mikulinsky, M. G. Yaroshevsky, G. Kroeber, G. Steiner. M., 1977. 524 p.

Информация об авторе: Ивонина Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета (Россия, 630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28)
г. Новосибирск, Россия
ORCID: 0000-0002-1953-0517
SPIN-код: 8998-8383
Author ID: 225783
ivonina@ngs.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Ivonina Olga I., Dr.Sci (Hist.) Novosibirsk State Pedagogical University Novosibirsk, Russia
ORCID: 0000-0002-1953-0517
SPIN-код: 8998-8383,
Author ID: 225783
ivonina@ngs.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 22.03.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.04.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests